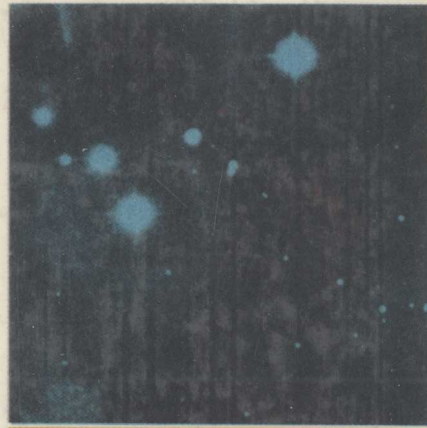
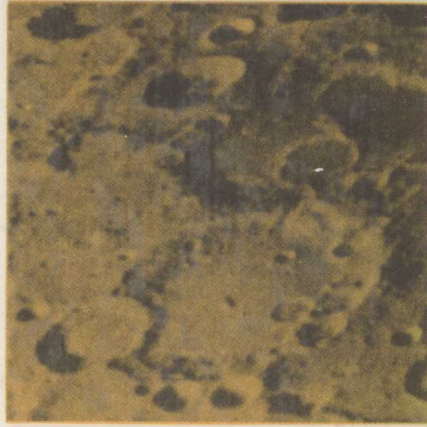

ПОЗНАНИЕ МИРА

Лариса
Маркелова

Лариса
Маркелова

ПОЗНАНИЕ МИРА

Московский
рабочий
1985

Рецензенты

доктор химических наук А. К. ЛАВРУХИНА,
член Союза журналистов СССР Ф. Б. КЕДРОВ

Маркелова Л. П.

М25 **Познание мира / Предисл. А. К. Лаврухиной.—**
М.: Моск. рабочий, 1985.— 255 с., 0,5 л. ил.

Живое, согретое личными наблюдениями описание жизни и деятельности одного из крупнейших советских ученых дважды Героя Социалистического Труда академика А. П. Виноградова охватывает его шестидесятилетний творческий путь.

Будучи вице-президентом Академии наук СССР, развивая и объединяя многие направления наук о Земле и космосе, А. П. Виноградов рассматривал проблему познания мира в целом в связи с насущными задачами коммунистического строительства, много сил отдавал борьбе за мир.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{1601000000-178}{M172(03)-85}$ 123—85

ББК 26
001(09)

© Издательство «Московский рабочий», 1985 г.

Вспоминая Александра Павловича Виноградова...

Академик Александр Павлович Виноградов, дважды Герой Социалистического Труда, крупнейший ученый и организатор науки, был удивительным человеком. Ему были свойственны и широта мышления, и ясный, мудрый взгляд на природные явления, и влюбленность в жизнь, и какое-то изумительное, истинно философское отношение к ней, и вместе с тем умение принимать реальные и смелые решения даже в самых трудных житейских и научных ситуациях.

Я познакомилась с Александром Павловичем в августе 1941 года, когда Биогеохимическая лаборатория Академии наук СССР (Биогел) вместе с другими академическими учреждениями вынуждена была эвакуироваться в Казань, где разместилась в аудитории Казанского университета. Несколько выпускников химического факультета этого университета (досрочный военный выпуск) были направлены на работу в Академию наук, среди них оказалась и я. Считаю своей большой жизненной удачей то, что именно меня взяли в Биогел, где вскоре я начала работать под научным руководством Виноградова.

В Казани Биогел расположился в трех смежных лабораторных комнатах биологического факультета, совершенно не приспособленных для проведения научных исследований по химии. Помню, что первым моим заданием стало проведение электропроводки по стенам деревянной перегородки, которой была разделена одна из комнат. В комнатах было очень тесно, но это не мешало нам работать с большим энтузиазмом. Душой дела был Александр Павлович, невысокий человек с умными блестящими глазами и с какой-то особой, свойственной только ему лукавой улыбкой, всегда в неизменном се-

ром костюме. Таким я увидела его при первом знакомстве.

За два первых военных года было выполнено много исследований научного и практического плана. Защищались кандидатские и докторские диссертации, проводились дискуссии на научные и связанные с обороной темы. Страна переживала самый тяжелый этап войны. Жили очень трудно. Зима 1941—1942 годов выдалась суровой — морозы, метели, заносы. Трамваи часто не ходили, с работы приходилось добираться пешком через весь город до бывшего студенческого общежития «Клыковка» (в студенческие годы и я там жила), а у большинства москвичей не было даже валенок.

С самого начала работы в Биогеле меня поражала большая сплоченность его коллектива, стойкость перед жизненными трудностями. Помню и всегда восхищаюсь Марией Александровной Савицкой, немолодой уже женщиной, которая жила в неотапливаемой комнате, но неизменно каждое утро появлялась в лаборатории в белоснежной наглаженной блузке и до блеска начищенных туфлях.

Бывали, конечно, и совсем тяжелые дни, когда получали известия о гибели, о пропаже без вести, о смерти родственников. Особенно тяжел был день похорон сына Виноградова — Володи. Стоял лютый холод — даже с помощью лома было трудно копать могилу. Помню суровые лица Александра Павловича, всех товарищей и то ожесточение в работе, которое было потом. «Горе нужно лечить работой», — сказал мне несколько лет спустя Александр Павлович. Эти мудрые слова очень пригодились мне в жизни...

Но были и радостные дни: приходили хорошие вести с фронта, устраивались «банкеты» в честь праздников с неизменным вишнегретом и пирожками, испеченными в тигельных печах. Биогел жил единой семьей во главе с Александром Павловичем.

Хочется указать на одно свойство его характера — это простота, доступность. К нему можно было обратиться с любым вопросом, с любой просьбой, даже сугубо личной. И всегда он отвечал горячим сочувствием, готовностью помочь. Это не только мое мнение. Характерно, что и большая занятость, и даже слава в последнее десятилетие его жизни не оказали на него никакого влияния. Как и во времена Биогела, в Институте геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского (ГЕОХИ Академии наук СССР), которым Виноградов руководил, сохранились патриархальные отношения — все ученики и ближайшие помощники Александра Павловича чувствовали себя единой семьей, ощущая духовную связь друг с другом. Большое счастье работать в таком коллективе. Я полностью согласна со словами одной из наших сотрудниц Евгении Ивановны Донцовой: «Мы просто любили его».

В современном ГЕОХИ из того коллектива осталось только двое научных сотрудников — доктор химических наук Фанни Ильинич-

на Павлоцкая и я. Обе мы стали свидетелями постепенного превращения Биогела с его специфическими задачами биогеохимии в многоплановый институт с мировым именем. Этот вопрос, конечно, заслуживает особого рассмотрения, поэтому здесь, в кратком вступлении к книге, хочется лишь подчеркнуть самое главное. А оно прежде всего заключается в том, что для всех научных направлений, развиваемых Александром Павловичем, будь то биогеохимические исследования почв и микроорганизмов, проблемы аналитической химии, радиохимии, ядерной химии, геохимии изотопов, геохимии Мирового океана, охраны окружающей среды и, наконец, космохимии, характерен один методологический подход. Для каждого объекта исследования прежде всего разрабатываются тончайшие методы анализа микроконцентраций химических элементов, а затем эти методы прилагаются к природным явлениям.

Александр Павлович всегда говорил, что нужно быть прежде всего химиком, и в первую очередь химиком-аналитиком. Точные данные анализа — прежде всего. Сам он неукоснительно исполнял эту заповедь, начиная со своей первой научной работы — определения микроколичеств меди в лапках пауков.

К началу сороковых годов именно Биогел стал единственным в стране научным центром, имеющим на вооружении практически все современные по тому времени методы анализа веществ на содержание в них микроэлементов. Лаборатория была оснащена сложными физическими приборами для спектрального, масс-спектрального, рентгеноспектрального и радиометрического анализа. В Биогеле действовал единственный в стране электронограф, созданный здесь же.

Все это определило дальнейший ход развития научных работ Александра Павловича и его сотрудников. Именно наличие превосходной аналитической базы в Биогеле, в 1943 году в связи с восьмидесятилетием академика Владимира Ивановича Вернадского переименованном в лабораторию геохимических проблем Академии наук СССР, позволило Виноградову обосновать в 1947 году необходимость создания в рамках Академии наук СССР Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского, единственного в мире института такого профиля. Впоследствии были попытки разделить его на два института. Но Александр Павлович всякий раз убежденно доказывал большую научную и практическую значимость сочетания аналитической химии и геохимии в одном научном учреждении. И это принесло большие научные плоды.

Был создан, по существу, всесоюзный аналитический центр, в котором аналитическая химия впервые получила твердые научные основы. Ни в одной стране мира аналитическая химия не имела такого широкого развития и не находила такого признания, как

в Советском Союзе. И в этом, безусловно, большая заслуга Александра Павловича. По его инициативе в институте началась и плодотворно продолжается разработка теоретических основ самых разнообразных химических, физико-химических, физических и математических методов анализа с целью повышения их точности, избирательности и чувствительности. Создано немало новых методов анализа, которые нашли применение в атомной и электронной отраслях промышленности, во многом способствуя их становлению и развитию, а также в изучении окружающей среды.

Важный аспект работ Виноградова — изучение природного вещества, как он говорил, на физико-химическом основании. Он уделял очень большое внимание воспитанию специалистов по геохимии, владеющих знаниями физической и аналитической химии. Студенты кафедры геохимии Московского университета, которую он возглавлял, проходили серьезную подготовку по этим дисциплинам. Все это позволило превратить геохимию из науки описательной в науку экспериментальную.

Виноградову принадлежит ведущая роль в становлении современной космохимии, нового подхода к проблемам планетной космогонии. Развивая идеи своего учителя В. И. Вернадского, он в своем выступлении на 1-м Всесоюзном совещании по вопросам космогонии в 1951 году в разгар оживленных дискуссий о процессах образования тел Солнечной системы заявил, что основной проблемой наук о Земле считает нахождение способа дифференциации земных атмосферы, гидросферы, литосферы, мантии и ядра.

Александр Павлович обладал не только обычной интуицией, свойственной теоретику и экспериментатору, но и удивительным даром научного предвидения наиболее важных проблем современного естествознания. Задолго до начала широкомасштабных космических исследований Виноградов и его ученики начали всесторонние систематические исследования метеоритов — единственных в то время образцов космического вещества.

Александр Павлович стремился к глубокому познанию процессов, которые протекали при первичном акте образования прототел Солнечной системы и протекают в настоящее время под действием солнечных и галактических космических лучей и солнечного ветра. Были организованы модельные эксперименты на гигантских ускорителях частиц с доведением частиц до высоких (космических) энергий. Благодаря многолетним систематическим модельным экспериментам и теоретическим расчетам удалось обосновать научные основы новой отрасли знания — ядерной космохимии. Позднее при изучении лунных пород Александр Павлович также стремился охватить широкий круг вопросов, используя физико-химический подход к проблеме дифференциации вещества Луны.

Александр Павлович привлекал к решению актуальных проблем аналитической химии и геохимии крупных ученых нашей страны. Член-корреспондент Академии наук СССР Д. И. Рябчиков, академик И. П. Алимарин, профессор В. И. Кузнецов вместе с сотрудниками Биогела профессорами В. И. Барановым и П. Н. Палеем создали лаборатории аналитического отдела. Затем началось постепенное формирование геохимического отдела. Члены-корреспонденты Академии наук СССР А. Б. Ронов и Н. И. Хитаров, профессор В. В. Щербина и В. И. Герасимовский, член-корреспондент ВАСХНИЛ В. В. Ковальский и сам Виноградов возглавили лаборатории этого отдела. Все эти ученые сумели воспитать плеяду талантливых молодых специалистов, многие из которых сейчас возглавляют лаборатории института. Как сказал глава школы аналитиков страны академик И. П. Алимарин, Виноградов умел «в каждом ученом найти свойственный только ему колокольчик и заставить его звонить».

В книге «Познание мира» талантливого научного журналиста Л. П. Маркеловой дана многообразная и яркая картина жизненного и творческого пути человека сложной индивидуальности, большого ученого, обладавшего редким даром охвата явлений природы в целом в сочетании с глубоким знанием современных достижений отдельных наук. Перед автором стояла нелегкая задача показать в небольшой книге все многообразие деятельности такого сложного и яркого человека, как Александр Павлович. Виноградов предстает перед читателем как геохимик-аналитик, космохимик, создатель и директор института, вице-президент Академии наук СССР, руководитель научной школы, воспитатель, организатор новых научных центров страны, общественный деятель, положивший много сил на укрепление международных научных связей и борьбу за мир.

Очень интересны рассуждения автора о том, что наука на каждой ступени своего развития включает проблемы, которые передает в наследство следующей эпохе. В этом автор справедливо видит ключ к пониманию роли отдельного исследователя в общем процессе познания мира.

Книга «Познание мира» — ценный вклад в литературу о жизни замечательных людей, имеющую огромное познавательное и воспитательное значение.

А. К. ЛАВРУХИНА,
заведующая лабораторией
космохимии Института гео-
химии и аналитической хи-
мии имени В. И. Вернадско-
го, доктор химических наук,
профессор

От автора

С конца сороковых годов мне, литератору, посвятившему себя научной публицистике, приходилось часто общаться с выдающимся ученым, дважды Героем Социалистического Труда академиком Александром Павловичем Виноградовым, постепенно познавать особенности его творческого метода, отношения к коллегам, ученикам, к литературе, искусству и жизни вообще. Александр Павлович вознаграждал меня своим доверием, делился мыслями. Однажды он передал мне бесценный дар — машинописную копию не опубликованных писем своего учителя Владимира Ивановича Вернадского. Со временем у меня накопился значительный материал, затем частично использованный в различных публикациях, а также в книге «Ключи к планетам», вышедшей в издательстве «Знание» в 1976 году. Некоторые разделы этой книги, одобренные самим Виноградовым, воспроизводятся здесь почти без изменений.

В книге «Познание мира» я пыталась обобщить свои прежние наблюдения, более подробно рассказав о жизненном пути ученого, о среде, где формировалась психология исследователя, который внес крупнейший вклад в отечественную геохимию и аналитическую химию, прославился как основатель экспериментальной космохимии. Интересы видного организатора науки, руководителя Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского, главы всего конгломерата наук о Земле вице-президента Академии наук СССР Виноградова простирались от атома до Вселенной, энциклопедичность его познаний позволяла осмысливать глубокие процессы мироздания. Заслуги ученого были отмечены шестью орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Ленинской премией и Государственными премиями СССР.

Я счастлива, что была знакома с этим человеком.

Считаю своим долгом выразить благодарность всей семье Александра Павловича Виноградова, и особенно его сыну Игорю Александровичу и сестре Нине Павловне за неоценимую помощь в работе.

ВЫБОР ПУТИ

Прелюдия

21 августа 1975 года Москва отмечала восьмидесятилетие дважды Героя Социалистического Труда академика Александра Павловича Виноградова. К подъезду старинного здания Нескучного дворца — резиденции президиума Академии наук СССР на Ленинском проспекте — подъезжали машины. Из машин выходили представители научно-исследовательских институтов, вузов, общественности с адресами в тисненых переплетах.

Найти кабинет вице-президента Виноградова было легко — он сразу направо от входа. Сюда не раз приходили иностранные делегации, чтобы принять из рук Александра Павловича лунный грунт. Иностранцы бывали явно взволнованы и подарком, и встречей с человеком, сумевшим разгадать секрет происхождения лунного вещества раньше, чем оно было доставлено на Землю. Представитель Лондонского Королевского общества (Академии наук Великобритании) Дж. Лайтхилл сострил: «Я всегда мечтал получить кусочек Луны, а теперь получил их даже два».

И вот — юбилей. Подарки, розы — от Главного ботанического сада. В полном составе приходит поздравить президиум Академии наук. В поздравительных адресах — слова, напоминающие о труде всей жизни, о синклите охваченных наук: биогеохимия, фотосинтез, проблемы общей геохимии, земной коры и верхней мантии Земли, изотопный анализ, определение абсолютного геологического возраста, химия моря и гидрохимия, метеоритика, ядерная химия, аналитическая химия, космохимия.

Как смог со всем этим совладать один человек? Этот вопрос возникал всегда почти у всех, кто так или иначе соприкасался с Виноградовым. Его задавали и юбиляру, и тот отвечал на него лукавым взглядом светло-голубых глаз.

Сегодня ему восемьдесят. Из них почти полжизни связаны с домом, где отмечается юбилей. И сколько бы раз он ни входил в прохладный вестибюль дворца, всегда испытывал радостное чувство, любуясь росписью потолков, светлым мрамором колонн, общей гармонией интерьера. Он проходил по широкой мраморной лестнице на второй этаж мимо портретов Ломоносова и Менделеева, мельком бросал взгляд на бронзовую голову Вольтера и открывал белую двустворчатую дверь, ведущую в приемную президента. Внимание на мгновение задерживалось на портрете грациозной женщины, написанном во вкусе екатерининских времен. Княгиня Дашкова — первый президент Российской академии наук. Однажды портрет велели снять — жест антифеминизма, потом он снова занял свое место.

Именно в этой комнате, застланной огромным ковром, долгое время проходили заседания президиума Академии наук СССР. Позднее они переместились в специальный конференц-зал. Президенты работали в угловом кабинете, удивительно маленьком по сравнению с другими помещениями. Специальность президентов, может быть, чуть-чуть влияла на выдвижение на передовые позиции той или иной отрасли знания. Карпинский — это геология, Комаров — ботаника, Вавилов — физика, Несмеянов — химия, Келдыш — механика, Александров — атомная энергия. Но это влияние было закономерно, так как обычно специальность президента отвечала передовым направлениям времени.

Годы наибольших научных успехов Виноградова приходятся на сотрудничество и дружбу с академиком Келдышем. Когда в 1967 году семидесятидвухлетний Виноградов был избран вице-президентом академии, на посту президента был сравнительно молодой Келдыш, человек безгранично энергичный, одухотворенный.

В этом доме Виноградов внимал словесным турнирам блестящего физика и остролова Капицы и прославленного химика Семенова, которого за неожиданность реплик друзья называли «неправильной кометой», радовался сообщению академика Флерова об открытом им трансурановом элементе.

Он внимательно вглядывался в лица космонавтов, приходивших сюда для консультаций с учеными. Особенно

мил был ему первый — Гагарин, сияющий кой. Здесь он встречал участников между космических экипажей, видя в них воплощенную мечту великого калужанина Циолковского.

А еще раньше он слышал, как крупнейший ботаник и знаток природы президент академии Комаров на склоне лет в запальчивости обзывал мальчишками своих седовласых коллег за то, что те недостаточно быстро откликаются на запросы сельского хозяйства.

Президенты академии... Вавилов, его оптика, открытия в области люминесценции. Несмеянов, открытие нового класса соединений — металлоорганических. Келдыш, ведущий теоретик практической космонавтики, крупный организатор науки. «Надо спешить медленно», — любил повторять он. «Как ни странно, — отмечал Виноградов, — именно таким образом двигались быстро». Александров был избран президентом в 1975 году, когда дело, начатое им вместе с Курчатовым и при участии Виноградова — использование атомной энергии для электрификации, — показало свою экономичность и большую перспективность.

Через три месяца после юбилея Виноградова не стало. Он умер в санатории «Узкое» под Москвой, изложив накануне своей смерти приехавшему его провести выдвинутому на пост президента Александрову интереснейшие идеи будущего развития академии. «Для него наука была средством познания мира в целом», — сказал академик Келдыш на гражданской панихиде в зале, где столько раз выступал Виноградов.

«Это естествоиспытатель, способный охватить явления природы в их наиболее интегрированном виде, — так позднее отозвался об Александре Павловиче академик Сидоренко, — но в отличие от естествоиспытателей прошлого, которые исходили преимущественно из общих принципов, он принадлежал к тем редким ученым, которые обладают глубоким знанием современных достижений многих отдельных частных наук...»

Не в праве ли мы предположить, что Виноградов открывает плеяду энциклопедистов двадцатого века с его научными и социальными особенностями? За этими словами должна бы последовать привычная фраза: он отдал всю свою жизнь служению науке. Но лучше согласимся с академиком Энгельгардтом. «Не вернее ли было бы предположить, — заметил он, — что там, где мы имеем дело с подлинным проявлением научного творчества, сама наука всю

жизнь служит ученому источником величайшего удовлетворения, самых глубоких, радостных переживаний...»

Виноградов не любил углубляться в детали своей биографии. Когда я однажды сказала ему:

— О вашей жизни могла бы получиться интересная повесть, — он ответил излюбленной фразой:

— После моей смерти.

— С чего бы вы посоветовали начать такую повесть?

— С гадюк, будет занимательно.

Александр Павлович протянул мне через стол брошюру из серии кратких биографий академиков, так называемых «персоналий», и начертил в уголке титульного листа своим острым почерком: «Доктору... на добрую память» — посвящение с ласковой усмешкой насчет «доктора».

— Прочитайте, — добавил он, — книгу Гумилевского о Вернадском, если у вас нет — принесу.

Студент и воин

Виноградов не был сторонником писания воспоминаний, мемуаров, дневников. Отдельные впечатления его детства сохранились лишь по скудным высказываниям немногих свидетелей.

Семья Виноградовых, где Александр был старшим сыном, ничем особенным не отличалась от среднего петроградского разночинного люда, густо населявшего в начале века доходные дома на улицах и в переулках близ набережных и мостов Невы. Если кто-нибудь и постарался бы, опираясь на принципы генетики, найти истоки одаренности в анналах семьи, то мог бы потерпеть поражение. Мы знаем выдающихся музыкантов, родители которых были самыми немзыкальными людьми. В подобной семье, как я долго считала, росли, например, мои друзья с юности, замечательные исполнители Эмиль и Елизавета Гилельсы, появившиеся на свет от позднего брака скромного одесского бухгалтера. Но как-то я узнала, что отец Гилельсов обладал великолепным слухом и был даже любителем-исполнителем, хотя музыке никогда не учился, так что способности отца, видимо, передались детям. Такие примеры встречаются и в семьях ученых.

Передаются способности, но огонь творчества отнюдь не всегда передается по наследству. Однако, может быть, тру-

долюбие передается? В это легко поверить. И не из него ли рождается творческое горение? Трудолюбивые крестьяне, к которым восходит род Виноградовых, нам кажется, «ответственны» в какой-то мере в формировании такой необычной даже для науки личности, как будущий академик Виноградов.

Мать его Фекла Агеевна Викторова родилась в 1870 году в Тверской губернии в семье крестьянина. Все знали ее как умную, энергичную, жизнерадостную и добрую женщину. И в первую очередь трудолюбивую. Занятость свою она никогда не демонстрировала, наоборот, казалось, стеснялась ее. Соседку выслушивает спокойно, не торопясь, будто и дел никаких нет и не предвидится. Но как только за гостей закроется дверь, Фекла Агеевна начинает навёрстывать упущенное. Детей много, большинство мальчишки, да все бойкие, шустрые. Младших накормить надо, занять, а старших — проверить: готовы ли уроки, с кем дружат, а иной раз и поговорить по душам.

Первенца своего мать называла Саней, он был ее любимцем. Рос спокойным, меньше всех доставлял хлопот. Рано научился читать, интересовался книгами. Родственники со стороны матери, часто бывавшие в доме, в шутку величали Саню академиком, не предполагая, что шутка эта пророческая.

Всех гостей встречали с равной приветливостью. Мама ставила ведерный самовар и угощала, чем бог пошлет. Вечером возвращался из мебельного магазина, где служил продавцом, отец — глава большого семейства.

Павел Саввич Виноградов родился в Ярославской губернии в 1867 году. Подобно своей супруге, он был выходцем из крестьянской среды. С детьми был ласков, ровен. В доме всегда царил покой, никто не повышал голоса. А детей было восемь: шестеро мальчиков и двое девочек: Александр, Николай, Евгений, Владимир, Павел, Константин, Ольга, Нина.

В гражданскую войну на фронт ушла почти вся мужская половина виноградовской семьи. Владимир впоследствии сделался кадровым военным, погиб в Великую Отечественную войну, сражаясь в рядах Советской Армии. У остальных братьев судьба сложилась по-разному. Николай стал бухгалтером, Евгений — профессором сельскохозяйственного института, Павел — инженером-электротехником, Константин — преподавателем топографического техникума, Нина училась в Ленинградском хореографическом учи-

лице, мечтала стать балериной, но обстоятельства сложились так, что училище окончить ей не пришлось.

Разница в возрасте между Ниной и Александром составляла двенадцать лет. Однако в памяти Нины Павловны запечатлелись некоторые эпизоды детства Сани.

...Лето в деревне. Воскресный день. Саня играет в рюхи. И вдруг раздается его крик: «Лови, лови!» Все с криком и гамом бросаются за Саней, догоняющим белку. Белка скачет с дерева на дерево, увертывается от погони. Вдруг она прыгает в направлении поля. Саня мигом перематывает через забор, хватает белку. Та не остается в долгу и кусает его за палец. Несмотря на боль и кровь, он ее не отпускает. Метка на руке остается на всю жизнь.

Александр ловил животных, насекомых не из озорства, ему необходимо было наблюдать их вблизи. Эти наблюдения занимали его с самых ранних лет. Ребята несли Сане все, что поймают: бабочек, жуков, лягушек, ящериц, змей, разных зверюшек. Он постоянно ставил только ему понятные опыты: выращивал бобы, горох на свету и в тени в необычных положениях, наблюдал, записывал. На его столе всегда стояло много баночек, колб — вечно он с ними возился, над чем-то колдовал.

Как-то в зимний вечер Саня занимался своими делами. Вокруг книги, бумаги. Долго писал. Возле примостилась сестренка Нина с кукольным шитьем. Уже за полночь Саня отложил бумаги, посмотрел на Нину, улыбнулся, спросил: «Будешь держать какаду?» — «Буду». — «Давай, неси его, сейчас узнаем, отчего он околел».

Такова прелюдия. А историю жизни Виноградова-ученого начнем, по его совету, с гадюк. Однажды он вез их в банке в кармане шинели для первого самостоятельного научного опыта. Студент Военно-медицинской академии носил шинель добровольца 7-й армии Западного фронта, которая обороняла Петроград от белогвардейской армии Юденича, перешедшей в последнее наступление в октябре — ноябре 1919 года. Не правда ли, необычная ситуация — воевать без отрыва от учебных занятий? Но именно так сложилась жизнь Виноградова в тот период...

Петроградский трамвай, остро позванивая, шел сквозь весеннюю мокрядь. Гроздь пассажиров облепили площадки. Александр ехал в академию после недельного перерыва. Позавчера на попутной машине он прибыл с фронта. Из памяти не выходило то, что он видел там все эти месяцы.

Вспоминался врач чеховского склада — Павел Гаврилович — начальник передового перевязочного отряда. Кажется, нет предела его энергии: никогда не жалуется на усталость, недомогания. Но неделю назад, в очередной раз возвратившись из Петрограда на фронт, Александр понял по лицу медсестры: что-то случилось. Поднял полог медпункта и увидел на походной раскладушке Павла Гавриловича мертвым — отказало сердце.

Теперь начальником перевязочного отряда стал Александр. Для занятий в академии осталось еще меньше времени. Однако прерывать их он не помышлял. Просто почти перестал спать, успокаивая себя тем, что его организм выдержит без регулярного отдыха. Но перегрузки давали о себе знать мгновенными потерями сознания — в пути, на фронте, на лекциях...

Позволить себе быть посредственным студентом Виноградов не мог в силу и прирожденной добросовестности, и тех высоких требований, которые предъявляло к слушателям учебное заведение с прочными традициями. Эти традиции были заложены еще госпитальными школами, созданными в 1733 году при петербургских Адмиралтейском и Военно-сухопутном госпиталях. А в 1881 году была основана Военно-медицинская академия, сделавшаяся одним из центров передового естествознания. Молодежь получала здесь знания, что называется, из первых рук. Тут преподавали известные ученые: химики Зинин и Бородин, биологи Бэр и Холодковский, анатом Лесгафт, физиологи Сеченов и Павлов, терапевт Боткин и хирург Пирогов, зоолог Павловский...

В тот день, когда студент Виноградов берег от трамвайной толкучки свой странный «экспериментальный материал», ему хотелось попасть в физиологическую лабораторию академии раньше, чем туда придет Иван Петрович Павлов. Опыт не входил в программу занятий, ставился «подпольно», и студент рисковал навлечь на себя гнев вспыльчивого профессора. Опять скажет нарочито не к месту: «Читай-те лучше Шекспира в подлиннике!»

«Господи, хоть бы немного уменьшилась давка, я бы посмотрел, как они там...» Добыть гадюк было ох как трудно. Долго дожидался, пока принесет знакомый охотник Пимен. Иногда Александр ходил вместе с Пименом по лесам, удивляясь его способности целыми днями не произносить ни слова...

«Откуда все-таки появилась сердитая реплика о Шек-

спире? — размышлял Виноградов. — Уж не ревнует ли Иван Петрович студентов к Николаю Александровичу Холодковскому?» Студенты предпочитали читать иностранных классиков в переводах любимого профессора. Зоолог Холодковский был прекрасным переводчиком. Судьба наградила его даром романтизировать природу, науку. Наверное, тому способствовало каждодневное общение с поэзией Гете, Шиллера, Байрона, Шекспира. Душа Николая Александровича тонко отзывалась на все прекрасное.

Как-то в перерыве между лекциями Холодковский рассказал студентам, как он колебался в выборе жизненного пути, решая, стать ли филологом или зоологом. Он выбрал последнее. Но поэтический дар от этого не ослаб.

Студенты знали много стихов Николая Александровича, любили его экспромты, к примеру, такой:

Петербургская весна
Хоть порою и прекрасна,
Но частенько холодна
И предательски опасна...

Словно подтверждая мысль о «предательской опасности», гадюки энергичнее задвигались. Сомнения нет, банка раздавлена при очередном толчке трамвая, и «экспериментальный материал» вот-вот расплзется. Тогда паники не миновать. Надо спасать положение. Рискуя быть ужаленным, Александр зажал карман и с показным вниманием начал разглядывать мелькающие за окном дома...

Опыты тренировки памяти превратились у студентов в своеобразную игру. Вошло в привычку восстанавливать в памяти даты, имена. «Кунсткамеру, — вспоминал Александр, — начал строить в 1718 году архитектор Матарнови, а завершил Къявери. Башню достроил Земцов не то в 1733, не то в 1734 году. Здесь находилась Академия наук и художеств... 1742—1765 годы... Они связаны с деятельностью здесь Ломоносова».

Всю жизнь у Виноградова была так и не исполнившаяся мечта — написать историю ленинградских улиц. И в этом сказывалась натура — разведать, откуда берет начало то или иное явление. Есть улицы, считал он, которые могли бы стать литературными героями, как и города, — недаром Генрих Гейне уподоблял город личности.

— Ну, кажется, приехали, — неожиданно произнес Александр и сам удивился звуку своего голоса.

Теперь, когда опасный груз был благополучно достав-